

Предисловие

Смиренный романтик? Ироничный? Да, скорее всего. Смиренный, потому что ему «Богу диктовать не по плечу», а ироничный, потому что крылья выданы «на два круга напрокат». Не ради каламбура я добавил бы: на два спасательных круга.

Так начинается этот полёт – со вдоха и взмаха крыла – и длится, длится на протяжении книги.

И мне по душе, что начинается он с детства, с высматривания в небе голубей, «от солнца заслонив глаза рукою», с упоминания Оле Лукойе, сочинителя снов, приходящего к детям с двумя зонтиками... – кто же не помнит сказок Андерсена? Они запоминаются навсегда. Возможно, потому, что в них много печали, которая отзывается в человеке позже, а в детстве туманно волнует и залегает где-то в глубине души.

Полёт не может прерваться точкой, и потому ни одна вещь книги не заканчивается знаком препинания под названием «точка» – не заканчивается «препинанием», то есть остановкой, которой здесь быть не может, и когда следующее стихотворение подхватывает то самое «Лукойе-вступление»: «Горячее молоко, сода и мягкий мёд, / масло плывёт, как желток, островком...» – я сразу вспоминаю, что Оле Лукойе навевал детям сны с помощью снотворного сладкого молока. А читая «там за окном зима» или «тянется Новый год», я неизбежно вижу не только радость ожидания или выздоровления, но и «девочку со спичками»... И что с того, что сказка Андерсена про девочку – с заскорузло-взрослой точки зрения – сентиментальна до неприличия, если она незабываема?

Между тем перетекание одного стихотворения в другое, подсказывающее, что это единое высказывание, что

это, по сути, поэма, не делает высказывание бесформенным. Это книга, а не сборник стихов, и это Книга в той мере, в какой автор способен подняться до недостижимого уровня. Книга, подобно собору, предполагает строгую архитектуру, когда музыка возникает из постоянной переключки отдельных элементов строения, когда есть ритм и рифма, и не важно, в чём они нашли своё воплощение – в камне, в музыке или в слове.

Каждая главка здесь названа строкой, встречающейся в одном из стихотворений этой главки, являясь словно бы его предвестием или – пусть это звучит несколько абсурдно – опережающим эхом строки, которая явится чуть позже. Количество главок – тринадцать. Счастливое число! Если читателю интересно, что такое гематрия, пусть заглянет в словарь. 13 – это и «единый», и «любовь» для соответствующих слов на иврите.

В начале книги есть такой мотив:

Брошу две монетки, сдвинется заслонка.
Контролёр в фуражке песенку свистит.
В очереди сзади кто-то плачет тонко,
Номер на ладонях, дождик моросит.

Мне по душе, что прошлое время то и дело настигает настоящее, не прикладывая к этому никаких усилий, а настоящее видит прошлое, и видит перед собой, не обращаясь. И жизнь переплетена со смертью, как это бывает только при жизни, и – с особой силой – в событии творчества.

Да, в начале книги этот мотив, и – «номер на ладонях» (вероятно, в какой-то очереди – мало ли мы и наши родители выстояли очередей!), а ближе к концу книги этот «элемент строения», «номер», возникнет при упоминании судьбы погибших в ГУЛАГе, и это совсем другой номер, хотя и нет его в тексте, – он есть в нашей памяти, согласной если не с историей, то с памятью автора, которая воскрешает и то, что «по ту сторону жизни».

Там паровоз летит, не зная остановки,
И только стук колёс вращается вдали,
Где пуля из ствола игрушечной винтовки
Навылет разнесла полглобуса Земли.
Там прошлое везут без права передачи.
Гудок и чёрный дым с осколками угля,
И мы поём с отцом, и проводница плачет.
«Едем мы друзья в дальние края».

Дальние края есть по обе стороны: по эту сторону жизни и по ту.

У Оле Лукойе есть, как выясняется в последней сказке, рассказанной в воскресенье, брат, которого зовут тоже Оле Лукойе, но его второе имя – Смерть. Он приходит, чтобы закрыть глаза спящему и забрать его с собой. Может быть, в этой печальной истории есть надежда на тот день, когда она прозвучала – на воскресенье?

Во всяком случае, полёт в небеса, с которого начинается книга, заканчивается трагической историей прадеда автора и словами: «по дороге к Богу».

Круг замыкается. Но круг читателей этой книги... – да пребудет он разомкнутым для тех, кто любит поэзию!

Владимир Гандельсман

Как будто я пишу не о себе,
А вижу сон под зонтиком Лукойе,
Где, наконец, гоняю голубей,
От солнца заслонив глаза рукою.

Как будто я уже всё пережил,
Но кто-то за меня считался с Богом,
А я ходил всё время по дорогам
За чистой правдой и по лужам лжи.

Течению жизни счёт ведут в годах,
А я пересекал их на пароме.
Какой-то незнакомый посторонний
Рассказывал, что там, на берегах.

Начало взлёта – вдох и взмах крыла.
Меж временем и Богом, жизнью, мною
Дрожала тонко связка, но жила.
Не знаю до поры, какой ценою.

Прошедшее менять я не хочу.
А планы, эти клетки с облаками,
Мне Богу диктовать не по плечу.
Былое сшить цветными лоскутами,

И в простоте не потерять лица,
И пот не путать с божьею росой.
И вдруг понять, у жизни нет конца,
И улететь без крыльев по косо́й.

Уйти за горизонт не на закат,
И встречный, бывший, кажется, сосед,
Как в детстве во дворе велосипед,
Даст крылья на два круга напрокат

«Было бы окошко между временами»

Горячее молоко, сода и мягкий мёд,
масло плывёт, как желток, островком.
Этот рецепт со мною живёт
впитанный с маминым молоком.
Если простуда, гланды, можно лежать-читать,
в школу ходить не надо, туда-обратно.
Но одеяло к печным изразцам прижать,
чтобы теплом накрыть меня старым ватным.
Там за окном зима, тьма на несколько дней,
простуда пройдёт сама, или уйдёт за ней
и отпадёт листком: веточка, календарь?
Это потом dot.com, адрес простой — январь.
Тянется новый год резанный на куски,
счастье принесёт, или крошки с руки.
Длинно журавль кричит, кличет синицу в руке.
Жёлтенький островок
плавает вдалеке

Чтоб остановить мгновенье, я записывал
на бумажке время и число
в новогодний вечер, думал числами
прикрепить к судьбе. Но, как весло,
обтекла вода, загрёб, и каплями
утекли и время и клочки.
Всё делила жизнь, как лисы с цаплями,
хоть не разжимал я кулачки.
Но загадывай и не загадывай,
знать не стоит долю наперёд.
Прошное, как в память ни заглядывай,
всё равно никто не разберёт.
Перемены в жизни переменами,
только, как ты их ни называй,
хоть победами, а хоть изменами,
всё равно храни как урожай.
И не трудно разобраться с числами,
Разбросай колоду-календарь,
выбирай любую дату чистую,
на бумажку запиши, как встарь

В тесных улочках памяти
Все давно познакомились,
Ходят в гости заранее
Через годы и смерть.
Мамы с папой, танцующих,
Чтоб надолго запомнились,
Сделал снимок «Любителем»,
Проявить бы суметь.
Мы равняемся возрастом,
Им всё легче вальсировать,
Иногда мне доносится,
Мама песни поёт.
Это память замешкалась
Рядом с нашей квартирою
И по памяти старой
Голоса узнаёт

Шестидесятые

За молоком с утра пораньше
нам выйти очередь занять,
нам с братом, я на девять старше
и мне решать.
Наискосок вдоль магазина
в любую пору поутру,
как лента старая резины,
соседи наши по двору.
О чём-то их негромкий говор:
«Я здесь стоял!», «Я отойду».
Дверь отжимала шайбой-гровер
всю эту тёмную грядку.
Тогда о денежной реформе,
про эти кровные свои
судачили. Я в школьной форме
с ремнём. И по краям струи
две складки черпаком литровым
нам изливались с молоком.
Я рубль давал за это новый,
сжимая сдачу кулаком.
«Неси, слабак!» – послал я брата,
и он свой тяжкий крест взвалил.
Не в рост. Силёнок маловато.
Перекосило. Уронил.
Он виноват, а я невинен.
Его уж нет, не помнит он.
А мне и завтра будет виден
мой брат и выпавший бидон

Я бежал молодым под ливнем,
Сняв рубашку и мокрый до клеток.
Время было самым счастливым,
Это давнее новое лето.
Мне четырнадцать или пятнадцать.
Шёл троллейбус. Взгляд женщины взрослой,
Взгляд, как будто игра в пятнашки.
Стой! Ты пойман – десант на остров,
На котором ещё я не был,
Но увидел в глазах так остро,
Как вблизи грозовое небо.
Этот проблеск из ближней дали
Сквозь залитое ливнем стекло
Сразу в прошлое закатали,
Чтоб полгорода не сожгло

Метку поставить на время любое, как вешку над снегом,
столб верстовой, он для всех, но я знаком отмечу своим.
Можно часами считать, можно лунами или пробегом
и позабыть календарь, и конец и начало, как дым.
Жизнь – это ветер, швыряющий листья неизданной книги.
Сдуло, и больше не вижу себя никогда малышом.
Главы о брате: учёба среди сумрачной солнечной Риги,
умер в Америке, строчки о Львове карандашом.
Мамина шляпка лежит в непогожую долгую среду,
рядом расчёска, перчатки, ключи, кошелёк и помада,
список, что надо на рынке купить на неделю к обеду,
снова суббота, но сдуло страницу июльского сада.
Влево склонён мамин почерк, и что на листке, я запомнил,
но всё тянущь разглядеть неизвестный покуда ответ.
Не увидать, что подписано в свет, что рукою заполнил,
Будто охотник, зачем-то берущий свой сбившийся след

Закрываю глаза, нет ни севера, ни востока.
Лягу навзничь, высот и глубин не сравнить, не узнать.
Только слышу порывы родного в груди кровотока,
И летает разведчица жизнь, чтоб меня отыскать.

А запомнится толстый ковровый рисунок заката
И ковёр на софе, слово новое, мебель стара.
Все мы к ходу событий прибиты, как буквы плаката,
Ну и флаги, их дворник на праздник развесил с утра.

Календарные даты – каморки, хранящие утварь
И касания к ней, память трещин, эмалевый скол.
В прошлых днях и без нас каждый день начинается утро,
И семья, «С добрым утром!» включив, всё садится за стол.

Красной миской, которую мама из дома до Львова
Довезла сквозь Ташкент, Балашов от начала войны,
Как ключом я открою те годы, в которые снова
Я вернусь, чтобы всё записать на запасные сны.

Это время листком, незаполненным прошлым, маячит,
По нему не отыщешь ни место, ни запах, ни звук.
Я тогда был младенцем, для памяти пуст и прозрачен.
И беспомощностью этим когда-то замкнётся мой круг

Приснился сон – действительности эхо.
Вернул минуты, звуки, жесты, даты,
Свет, запахи, чтоб обменять с успехом
Сей час на позабытое когда-то.

Там очередь стоит из третьих лишних
За правом стать вторыми при обмене,
И давний таймер зазвонит неслышно,
Лишь в памяти поставит nota bene.

Ах, как воспоминанья не прочны,
Сон, облачный узор, фонарь в ночи.
Их ношенные шлёпанцы смешны,
Их грусть – тепло нетопленной печи.

Они живут за тонкой звонкой плёнкой,
Поют негромко, по углам спуют,
Глядят на нас и нас не узнают,
Как старый пёс подростшего ребёнка.

Мы снимся им без признаков беды –
Трофейный фильм без знаков препинаний.
Мы состоим уже не из воды,
Не из воды, а из воспоминаний

Было бы окошко между временами,
Даже небольшое мутное стекло,
Подышал бы тихо и протер руками
И смотрел бы долго, чтобы повезло.

Брошу две монетки, сдвинется заслонка.
Контролёр в фуражке песенку свистит.
В очереди сзади кто-то плачет тонко,
Номер на ладонях, дождик моросит.

Наклонюсь над светом в пластиковой раме,
В нашем прошлом утро, солнце и тепло.
Может быть, увижу маму вместе с нами.
Жалко, не услышу – толстое стекло

«А жизнь еще не миновала»

Заходят тучи на восход,
Как для посадки.
Стоят дома, вода течёт,
И воздух гладкий.
Пакет – набор «Начало дня»,
Готовь посуду,
Разбавь на всех, прибавь огня,
Кинь ломтик чуда.
Смотри, детей не разбуди,
Им рано в школу.
А где-то самолёт гудит,
Такой весёлый.
Открыть окно и полетать,
Такая малость.
А чудо что? О нём мечтать
Не получалось.
Готова ранняя еда,
И будет завтра
Такое утро, как всегда,
И смех и завтрак.
И будет шум и тарарам,
День пригнан плотно,
Как-будто сонный по уграм
Приходит плотник
И подгоняет так пазы,
Что даже крылья стрекозы
В зазор не втиснуть,
И улетает стрекоза
Над садом виснуть.
А плотник стружки подметёт
И смажет оси.
Его по паспорту зовут
Сосед Иосиф

Я друзей позову и степенно
Дом родной покажу постепенно.
Это спальня, вот вид из окна –
Лес, тропинки, грибы и белки.

И за каждой стеной тишина,
А на стенах следы побелки.
Сверху звёзды высоко-высоко.
Я свой дом утнездил на земле,

И лицом он поставлен к востоку,
И в жильё превратится в тепле.
А пока соберут на столе,
Растоплю я сухие полешки,

И берёзовый дух в золе
С домовыми затеет потешки.
Потолки высоки, и досель
Не скрипели в полу половицы.

За окном у сосны карусель
Завели над кормушкой синицы,
А сезонный круговорот
Начинается от ворот.

Я детей напою молоком,
Нам – хмельное, и хлебы преломим.
Видишь, счастье цветным черпаком
Поливает цветы в нашем доме

А в городе весна,
Веселье и гульба.
По улице одна
Идёт моя судьба.
А улица полна
И ветра и вина,
И солнца и тепла,
Блестящего стекла.
Здесь свист и карусель.
Из окон сверху вниз:
Как здорово, что все
Сегодня собрались.
И музыка окрест,
И цокот каблучков,
И взор наперекрест,
И взгляд наискосок.
Одежды юных дам
Короче по весне,
Так землю тут и там
Нам открывает снег.
Последний слой зимы
И прошлогодний сор
Весне прощаем мы,
О чём тут разговор.

А в городе весна
И ветра и вина
Как здорово, что все
И взгляд наискосок
Одежды юных дам
И прошлогодний сор

Посреди (прозрачным утром разглядеть стараясь дно)
тихой гавани (в английском старом городе Крайстчёрч)
всё похоже было цветом на какое-то кино –
одиноким, молчаньем – на французское, точь-в-точь.

На столбах сидели чайки (не кричат, не просят рыбок),
и враскачку, по-матросски, лебедь шлепает на слип.
На верхушке колокольни (глянешь, не сдержат улыбок)
рыба вертится по ветру – флюгер к облакам прилип.

Кадр был выстроен отлично, мачты двигались нагие,
только главные герои (лодки тронул первый вал),
видно, главные герои жизни выбрали другие,
и без главного героя фильм никто не начинал.

Я пришёл взглянуть на море, ни о чём не беспокоясь
(из-за крон каштанов красных долетал церковный хор),
рядом с чайкой отразился от воды – портрет по пояс,
и теперь уже не скажешь: «Чур, не я!».
Мотор! Мотор!

Ветер режет белый воздух – пышный свадебный пирог.
Птицы по небу летают, на земле под небом пусто.
Хорошо бы – осень, свадьбы, а весной опять сурок –
Разглядеть молодожёнов в танце от вина до чувства.

Платья белые рассадой кто-то высыпал с небес.
Детвора в дверях толпится, снова плачут старики.
Путь, начавшийся от ЗАГСа, завершается в собес.
С каждой свадьбой крепче осень, и шаги её легки.

Да какая нынче осень, льёт всё время дождь на слякоть.
Не февраль, но всё темнее стынет небо по утрам.
Глянет солнце, день сверкает, словно вымазанный локоть,
А тоска посередине воздвигает новый храм.

Стынет кожа от мороза, будто в спину целит снайпер,
Из тату упала роза, украшавшая плечо,
И невесту потеряли, запил кто-то или запер.
Значит, снайпер, ЗАГС и осень были вовсе ни при чём

Где-то за рекой крики, музыка, фейерверки,
Свадьба там у Вари или у Верки,
И полосочки цвета добегают до берега,
Недалеко ведь, чай, не Америка.
Холодно, сыро, глухо и серо.
Несколько детей родились когда-то,
Один умер, другой – офицером.
Тоже умер потом, но сперва стал солдатом.
Так можно размотать всё, что было, обратно
До того берега и последнего лета.
Народу мало, многие братья,
Да кто уже помнит про это.
Жить некогда, дрова, вода, пыль, холод,
Дороги забыты, провода рвутся.
Всё интересно, пока молод,
Потом день, вечер, утро в сутках толкуются,
Места себе не находят, куда-то уходят.
Куда ни глянешь, те же люди и птицы.
Самое живое в доме ходики, вроде,
Стрелки движутся и меняют лица.

А жизнь та же, что была до этого.
Вечер. Красиво. Всё фиолетово

Мы все одинаково молоды,
И всё, что мы помним, так схоже.
И вся наша жизнь – как по городу
Идущий весёлый прохожий.
Он рад и камням постаревшим,
И новым рекламным огням.
Он полон забот об успешном
Сего завершении дня.
Кружит он от завтра до прошлого
За край годового кольца.
Кто помнит плохое? Хорошего
Должно нам хватить до конца!
Долж... Но в завершение круга
На самый последний на крик
Нам вдоха не хватит и друга,
И друга хотя бы на миг

Пароход «Ворошилов»

А жизнь ещё не миновала.
Как теплоход, ушла с причала,
Взяв на борт местных и чужих
И свиток замыслов благих.
И всё на видео снимала,
И всё на видео снимала,
И дольше, чем я был в живых.
Свои чего-то мастерили,
Храпели ночью, утром пили.
Потом туристам объяснили,
Где Разин уронил княжну.
Сменяли ночи дни вначале,
Сменяли радости печали,
И слёзы лили на причале,
Где провожали и встречали,
А волны теплоход качали,
Он отходил, едва причалив.
И отходили все ко сну.
А пассажиров, недовольных
Таким потоком рифм глагольных,
Успешно юнга утешал,
Давая крутануть штурвал.

Кричали дети, пели бабы,
И теплохода почерк слабый
Почти не оставлял следа.
Меж берегов текла вода,
Нас по реке вёл старый лоцман
По древним книгам скал и дна.
День с ночью разделяя, боцман
Бил склянки. Солнце и Луна
Всходили по небесной сфере

В четверг, пришедший за средой,
По берегам ходили звери,
И плыли рыбы под водой.
Матросы долгими крылами
Канат тащили между нами.
И дым стоял, как паруса.
Их лица были крыты медью.
На мелях дно искали жердью.
И по утрам была роса.
Парнишка в лодочке, отважный,
Шёл к борту, истово гребя.
И голубь прилетел бумажный
С чернильной вестью самой важной:
«Мария, я люблю тебя!».

За бортом неба отблеск сонный.
Над судном снов летают сонмы
На тонких крыльях цвета ночи,
Внутри которых крылья дня.
Защитник – ангел теплоходный
Водой ночной, водой холодной
Разбудит вахту, брызнет в очи,
Добавит маяку огня.

Рассвет пылал каминным зевом.
Вода кипела. Но стеной
Набросил тень высокий левый,
И мы попали в мир иной.
Ни звука, всё вокруг померкло,
Во мраке замер теплоход.
Дул жаркий ветер, словно пекло
К нам развернуло чёрный вход.
А небо души ворошило,
Пришла гроза, гремели гири.
И наше судно «Ворошилов»
Блеснуло буквами «Вергилий»

Только тех, с кем улыбку начала дня
Разменял на весёлое небо золотое,
В темноте усади у большого огня
И рассказывай детям простое-простое.

Что корням дотянуться до влаги – урок,
А листва из дождя будет радугу делать.
Где кончается лес, где у леса порог,
И кто весь белый свет красит в цвет этот белый?

И пока по земле добредёшь до воды,
И когда всё поймёшь и про цвет и про запах,
Кто-то тихо придёт на невидимых лапах
И отмоеет лицо от вчерашней беды.

И пращу распахнуть, чтобы горы камней
Так травой обросли, как старинные горы.
И коней распустить, не высчитывать дней,
Слышать, лето ушло, и не знать, в год который

**«Здесь случается прошлое,
здесь я встречаюсь с собою»**

По дырявой воде до немойтой дороги
Под нечёсаным небом горбатой грозы
От молочных болот до причалов безногих
Между криками сов там где лисы борзы

Вдоль разбитой ограды сгоревшего сада
Сквозь туман паутины цветное бельё
В старый дом где постель заросла виноградом
Хлев травой-муравой двор житьем и бытьём

В день восьмой понедельник нежданно-негада...
Со слезою блестящей как глаз на блесне
Под забытый напев племенного обряда
Всех родных и живых ты увидишь во сне

И рванёшься на запах цветущего сада
С отражением солнца столкнувшись в окне

Вдали промчался катер пробкой винной,
а подо мной прилив волною длинной,
я в Борнмуте, где с окнами над морем
под крики чаек, шум прибоя сплю,
из воздуха и слов стихи леплю.
А дочь моя поёт в церковном хоре.
Колокола, аббатству век десятый,
большие камни, от дверей правей
нарциссы жёлтые стоят толпой лохматой
у этой церкви голубых кровей.
Всё то же здесь. И время не течёт,
оно, как воздух осени, густеет,
И можно, дверь открыв своим ключом,
перешагнуть в столетие левее.

Я вырос из истории другой.
С монгольским игом и советской властью,
еврейским гетто, плачем за стеной,
и как примерить счастье к несчастью?
Да, всё пройдёт. Но, проживая век,
всегда во что-то верит человек.
Он, выбрав символ – мирную голубку,
придумал и стихи и душегубку.
Пока в себе раба и господина,
молясь во имя и отца и сына,
мы будем человечиною кормить,
то ни прощать не сможем, ни любить.

Всё разбивая, рвёмся на чужбину,
в разбитом мире можно заменить
осколки и свою сложить картину.

А можно и разбить и не сложить.
И не сложить. Как на блошином рынке,
в смешении антик и новодел.
Прохладной глины расписные крынки,
серебряные ложки не у дел,
державный Веджвуд, патина монет.
Пластмасса, поролон, картон, пакет

Мои друзья талантливее всех!
Они, как сказки первые, любимы,
Безгрешные, как первородный грех,
Назад в толпу никак невозвратимы.

Нас разметало и опять свело.
Невидимые глазом электроны
За нами носят вечное тепло
По старым адресам, как почтальоны.

Давно уже обжили наш вагон,
В котором всё друг другу рассказали.
Под лавкою забыт магнитофон,
Мы под него подружек целовали.

Мы все живём внутри календаря,
Где наше горе-счастье с лепестками
В гербарии хранится меж листками
Среды и четверга, и октября.

«Архипелаг». Высоцкий. Самиздат.
Мы на ночь детям пели Окуджаву.
И всё тайком. Привыкли, как всегда,
Держать на расстоянии державу.

Век становился старым и другим.
Меняется прозрачный с виду воздух,
И проплывают по воде круги,
И пробуют, где можно стать на воду.

Не нам ли знать о правилах простых,
Друзья мои, немного нас осталось.
Но мчится детство, догоняя старость,
На тех велосипедах золотых

Как от детства до недетства
Я дорожки проторил,
Так сумело наvertеться
На заигранный винил.
Как пружины у шкатулки
И кривые переулки,
Годовые кольца жизни,
Круг друзей, круги судьбы.
Всё кружится и вертится
От любви и до пальбы,
И до смерти от мольбы.

Прилетишь в свой город, выйдешь,
Наступая в давний след.
То, что вспомнишь, то увидишь,
А чего не вспомнишь – нет.
Ты как ключик ладно пригнан,
Сделай первый оборот,
Словно в детских громких играх,
Старый город отомрёт.
Заиграет, зарыдает,
Засмеётся, запоёт,
Он такие ноты знает
И так чисто их берёт.
Ты помянешь то, что было,
Выпьешь водочки из слёз.
Утром скажешь: «Было мило...»
Поезд. Дали. Стук колёс

Словно я в этом городе снова живу,
Но уже без проросших корнями забот.
Старый город со мною опять наяву,
Чуть касаясь плечом, переулком идёт.

Облетели черты, покрошились дома,
Изменился заполнивший город народ.
Проступает действительность, то есть сума
Очень яркого цвета, и песни поёт.

Позабыто гремит устарелый трамвай,
Мостовая разбита под талой водой.
Ну, давай же, маршруты мои узнавай,
Старый город, а ты не бывал молодой.

Эти трещины и облезающий снег,
Как дрянной маскхалат, на тряпье разорви.
Ты живой, ты мой старей, ты нравишься мне,
Ты семья моя, и не стесняйся любви.

И названия улиц меня не собьют,
Я по прежним хожу, я тебя не забыл.
Я души твоей малый весёлый лоскут,
Ты души моей след на себе сохранил.

Я узнаю подъезд, проходные дворы.
Я с тебя календарные пути сорву.
Ни конца ни начала не вижу игры,
По которой я в городе снова живу

Вещь из прошлого здесь с каждым днём тяжелей,
Даже воздух над нею становится злей,
Принял вдох, закуси, задыши рукавом,
И посмотрим вперёд, нет нужды в боковом
Странном зрении. В жизнь меж сейчас и тогда
В никому непонятные эти года
Поместились война, наши дети, любви.
Солнце пальцы просветит сквозь кожу до крови,
Мы растеряно смотрим – прямым, боковым?
Слышим звук, ускользящий небом былым,
С долгим звоном упавшей на умерший пол
Детской чашки из сказки про длинный подол.
Время видеолентой скользит мимо дня,
Где не станет тебя и не станет меня.
Мы устали читать боковым-боковым
По кладбищенским узким дорожкам кривым,
Будто пальцы ведя вдоль по азбуке Брайля –
По могильной дактилоскопии кладбища,
Где ни листьев, ни слёз меж могил не убрали,
И давно не бывает потомков и нищих.
И уже не ведут разговоры с богами.
Лишь разбитые чашки хрустят под ногами

Сливаясь с тенью, виснут кружевами
Пустоты между почвой и кустами,
Коклюшками в цветах мелькают пчёлы,
Горластый разномастный мир весёлый
Сплетаёт стебли, ветви со стволами,
И это всё строенье, между нами,
Похоже на модели ДНК.
На всё, конечно, Божия рука,
И жизнь – его творенье, рукоделье –
То повод нам для слёз, то для веселья.
И каплет мёд, и горем пахнет счастье,
Власть думает, что обладает властью,
Но всходы покидают семена.
И меж собой аукаются встречи,
А утра переходят в новый вечер
В другой стране в другие времена

В отдалении родина
сузится просто до города.
Я пишу на листе на столе,
ярко залитом солнцем,
и не власть, и не строй, не законы,
не кто главным вором там,
только то, что осталось на память
у жизни на донце.
Первый, названный мамой, запах –
липа и лебеди в парке.
В проходные дворы окунулся
и молодцем вышел.
Время быстро гребёт,
вёсла – маятник, холодно-жарко,
жизнь разбуженной птахою
рвётся всё выше и выше.
Здесь случается прошлое,
здесь я встречаюсь с собою.
Незаметно привычное.
Я просыпаюсь в гнезде,
не подменишь – здесь родина,
и окружает родное.
Без неё бы, по правде,
я не был и не жил нигде

**«Грусть – канва, по грусти вышивает
радость»**

Первые ямки следов от крыльца
В снежную замять.
В снежных часах снег идёт без конца,
Сыплется в память.
Ветром будильник звенит в проводах
Обледенелых.
Кто-то всё это несёт на руках
Белых.
Спросишь, что делать? На всём белый знак.
Или что делает?
Солнце за землю ушло в белый мрак
Белое.
Мёрзнет, как ты, начиная во сне
Петь или каяться.
Дождик струится в часах или снег,
Всё продолжается.
Вот и следы посреди холодов,
Где солнца капелька.
Поле опять через год от следов
Всё будет в крапинках

Меняет море цвет, волну
И ветер, небо, тишину,
Как будто линзы на глазах
Меняет море.
Прилив там или же отлив,
Но море, как зека Сизиф,
Таскает волны на горбу,
А берег, раскатав губу,
Сдувает пену, как пацан,
Приняв бокал из рук отца,
Сдувает пену с пива.
Но, в общем, всё счастливо
Сплелось в чудесный вид.
И море здесь красиво
И правильно лежит,
И правильно стоят дома,
На светлых стенах тает тьма,
Деревья, будто ни при чём,
Качаются к плечу плечо,
Дают объём картине.
Садится солнце, не спеша,
В ком есть, волнуется душа.
День постепенно стынет

Находясь меж небом и землей,
Дышим мы привычно, неприметно.
Но испуг, обещанный водой,
О себе напомним непременно.
Потому, плывя между волнами,
Называем небо небесами.
Между небесами и водой
По-другому дышим мы с тобой.
Бездна, мы одной воды и соли!
Между нами тонкая плева.
Мир иной волной изрыт, как поле,
Где никак не вырастет трава.
Теплые объятия океана –
Руки акушерки у плода.
Словно мы, кто поздно, а кто рано,
Уходя, рождаемся туда

Докатилась волна и эхо
Прошедшего вверх парохода.
На ней был записан шёпот
И суета пассажиров,
Вздохи и хлопья смеха,
Слова: «Плохая погода!»,
Летний запах укропа,
Просьба о сдаче квартиры.

Местный окурок отвесил
Волне глубокий кивок,
Он выпал из пива, был весел,
Все вместе ушли в песок.
Лишь отблески взгляда девчонки,
Склонившейся над бортом,
Волна унесла обратно,
Чтобы вернуться потом

Так привычна обычного утра картина простая.
Кто-то чаек на небо просыпал, теперь подметает,
Вытер камушки пенною тряпкой и влажный песок,
С каждой новой волной по песчинке на счёты бросает
И, приход и расход исчисляя, трёт пальцем висок.

Рядом дали морские ничем не закрыты от взора.
Вот и близи морские, в них парус и два рыбака.
Ходят люди с собачками, каждому часть поводка.
Ходят люди друг с дружкой, и в каждой ладошке рука.
И простые заботы у жизни решаются споро.

День успешно играет в «пятнадцать», и щёлкают фишки.
Но наступит момент, это знают и кошки и мышки,
Канет в прошлое день, свиснет с края, лишь ямки в пыли.
Вслед собачки взметнут задней ножкой комочки земли

Грусть – канва, по грусти вышивает радость
прочная основа, солнечный клубок,
гвоздики грибочки на подошве сада
тихо зашивают порванный сапог,
всё соединимо, не проходит мимо
ни дымок ни запах, ни полёт листа,
жизненные соки не считают сроки,
омывают строки и крепёж холста
ранними лучами, нервами, корнями
переплетено,
и по снегу сани, времени касанье,
протеплит кружочек лёгкое дыханье,
будет зачтено

«Пора прощаться, но не хочется»

Я остался один. Ну, не так, как в бою,
И труба мне подъём не звенела.
Я остался. Один среди жизни стою
Первый раз. И стою неумело.

Я остался один. Так устроена жизнь,
Собирает в цепочки колечки.
Впереди огонёк от дыханья дрожит,
Позади поминальные свечки.

Я остался один, а за мной череда
Тех, кто ветка моя и основа.
Я в себе узнаю папин жест иногда,
За спиной слышу мамино слово.

Мне бы дальше идти, я узнать не могу,
Кто глядит на меня издалёка.
Я остался один. Все на том берегу.
Все на том берегу, на высоком

Он до меня не дорастёт,
Мы с ним не однолетки.
Мой брат давно здесь не живёт
С зарубленной отметки.

Я всё, пока недалеко,
Рассказываю детям.
И хорошо, что им легко
Запомнить нас на свете.

И счастье им, и смех, и грусть,
И пусть пока беспечны.
Когда я к брату доберусь,
Мы будем одновечны

Я не писал, я долго не писал.
И прожил жизнь, да нет, ещё не прожил.
Я жил, вставал, ложился и бежал,
И скрёб себя мурашками по коже.

Я помнил ярко, быстро и опять
Цеплялся впечатлением за годы.
Всё по погоде мы живём, как знать,
Что зашифровано для нас в прогноз погоды?

Себя простим , и не выносим сор.
Пока я помню радости мальчишки,
Он не меняется и до сих пор
Читает с фонарём в постели книжки.

И входит мама: «Спать давно пора!».
Край ночи снова тлеет на восходе.
И завтра в школу. Уплыла луна.
Он засыпает, счастлив, до утра.
И до сих пор не знает, что она
Уже не входит, никогда не входит

Растворились в ночной темноте
Беды, страхи, мечты и потери.
И в крошечной тугой пустоте
Люди спят и усталые звери.

И не чувят касанья руки,
Ни угрозы, ни ласки не чувят.
На цветном берегу у реки
Под названием Время ночуют.

Я проснулся от шороха волн
Со следами небесных мерцаний.
И качнулся темнеющий чёлн.
Перевозчик застыл в ожиданьи.

Рябь сверкнёт в предрассветной тиши,
Как гравюры старинной страница,
Там сканируют оттиск души –
Переправа, контроль на границе.

Манит тайною та сторона.
В этот час, и не поздний, не ранний,
Мне б доплыть не до самого сна,
До короткого чуда свиданий

Прошла бригада косарей.
Шли на закат неторопливо,
Дымок пуская из ноздрей,
Устало, пыльно, молчаливо.

В низине там, невдалеке,
Остановились, где покосы,
И косы вскинули в руке
И ловко выправили косы.

Заплечный распустив мешок,
Запили из ручья горбушку,
И мне почудился смешок,
Когда слышали кукушку.

И, поглядев по сторонам,
Меня не видя на дороге,
Ушли, вслед покатались дроги
С грехом и скрипом пополам

Уже долго живу.
Но никак не привыкну.
То споткнусь о траву,
То кого-то окликну.

Для привычных движений
Не нашёл простоты.
В этом мире сражений
Опадают листья.

Осыпаются даты.
Дети стройно поют.
И в новинку закаты.
Для чего же я тут?

Нет у смерти отмены.
Что успеть, а что нет?
Что дадут на обмене
Стольких прожитых лет?

Кто-то сверит итоги,
Справку выдаст о том.
Или сам по дороге
Разберёшься. Потом.

Или, может быть, проще,
Сразу выключат свет.
Поскребёшься наощупь
И забудешь ответ

Не досадуй, не досадуй,
Не жалея, не обижайся,
Вдаль уйди осенним садом,
Поклонись и попрощайся.

И не плачь, а то другие
Не заплачут, не заплачут.
За свои грехи чужие
Не заплатят, не заплатят.

Позабудь долги, обиды,
Не суди, да несудимым
Не уйдёшь от Немезиды
Белым облаком и дымом.

Не скучай по давней грусти,
Нет печали в расставаньи.
Жизнь обнимет и отпустит,
Отойдёт на расстоянье.

Отойдёт на расстоянье
Красоты и тишины
Не окликнуть на прощанье,
Посмотреть со стороны

Пора прощаться, но не хочется,
Ведь позабудут имя-отчество,
И никого не убедишь,
Что ты на облачке сидишь.
Ах, это облачко далёкое,
И глубина под ним высокая
Без рыб и плеска, и зверей,
Без блеска дальних фонарей.
Я их запомнил, уходя,
И говорят, тут всё навечно.
А мне хотя бы полсловечка
Спустить по струночке дождя

«Настоящее – ключик от прошлого»

Не оставь меня, Боже, без памяти.
Хоть обиды уже не забыть,
Я тебе до конца буду каяться,
Буду совесть вымучивать, выть.

Но себя не обманешь, не вылепишь
По-другому ни слово, ни взгляд,
Не догнать, не напомнить, не вымолить,
Не вернуться с повинной назад.

Там за лесом густым злые тропочки,
По которым не ходит никто,
Только память моя в рваных тапочках
И святой Спиридоний в пальто.

Пустяки, сладким привкусом горьки,
Зашуршают мой калейдоскоп.
И всё новые катятся с горки
Образцы ледниковых пород.

Настоящее – ключик от прошлого,
Голубь ветку уносит туда.
Может, вспомнишь немного хорошего,
Но не сможешь сгореть от стыда

Дальше неба

...чтобы спастись покидали пределы своей земли
воины скот и рабы старики кони жёны с детьми
не было места уже под травой а под водой не смогли
и ревели в повозках быки их стегали плетью
брали любовь и отвагу огонь шкуры и зёрна для хлеба
книги и память стрелы и страх сон и немного вина
и уходили в страну до которой идти надо дальше Неба
а дорогу не знали была и трудна и длинна
племя молило Бога их не оставить в пути
Бог поглядел на быков и детей и собрался идти
могилы оплакали головы жёны обрили и косы сожгли
плакали дети младших несли за руки старших вели
шли в авангарде мужчины а в арьергарде скот
не понимали откуда кто и когда нападёт
в небе воды было вдоволь и обувь дожди смели
не было в небе опоры поэтому тяжело брели
в чёрные тучи не смели а дождевые прошли
и только девушки пели юноши не могли
уже позабыли как жить на земле а небесам несть конца
воины спали в своём седле семьи в шатрах отца
сотни свернули отстали пропали сделали выбор свой
кто на всю жизнь или на смерть а кто-то пошёл домой
кто выбирает дорогу тот на ней оставляет след
выбор это отказ от прочего жребия больше нет
так записано в книгах и передавали уста
в небе ни эха ни крика нет белая немота
шли прощали прошлое трудно запоминали дорогу
верно служили на этом пути старому Богу
то чем жили с чем шли что взяли всё донесли с земли
новой земли обетованной в небе не обрели
не дошли до страны до которой дальше Неба идти

в небе открылась правда начало ждёт у конца пути
за небосводами на небосклонах светлых осели
детям с быками и детям с богами тоже веселье
светлые звёзды в буквы отлиты смотрят как лица
старому Богу очи закрыты
время молиться

Из каких-то давнишних событий и снов,
Из движений и слов, и течения часов
Собираются в жизненной тропке шаги,
Набираются встречи, любви, враги.
Но мне видится... Вот, например, выпал снег,
И сугробы побрёл обходить человек,
И прошёл не под тем фонарём, под другим,
И столкнулся не с тем, кто родной, а с чужим.
И волна притяжения их не свела.
Вот такие бывают у жизни дела.

С дня рождения счастье учился ловить,
Мог почуять его за полсотни шагов.
Но сугроб обошёл, позабыв о любви,
Среди серых прокуренных снеговиков.
И сшивали судьбу ему – нитка в ушко,
Переезд, переход, на завод, на закат.
Он друзей проводил до такси, шёл пешком,
Снег скрипел, словно летнее эхо цикад.
Жёлтый свет фонарей, паучки в янтаре,
Замер мир, чтоб сложилась судьба в январе.
Но сугроб обошёл и исчез во дворе,
Будто время ушло, будто враз постарел.

Он живёт, ощущая в пространстве пробел.
Невдомёк, что отпущен судьбой из руки.
Не дошёл, не взглянул, не узнал, не успел
Ожиданию мира всего вопреки.
А под тем фонарём задыхается ветер,
Там смешались листва, снегопад и пыльца.
Там мальчишка невидимо сбоку на метр

Всё за нею летал, чтоб увидеть отца.
Но все нити в разрыв, и сгорел жёлтый свет,
Снег засыпал уже непришедший след.
Не заметит никто, по масштабу – пустяк,
Мир в кошёлке из почвы не вздрогнет никак.
Лишь пройдёт над Землёй неживая Селена,
Словно шар мимо лузы ушёл из Вселенной

Не смотри, братец, в мутное небо,
Не глядись в почерневший колодец,
Превратишься в обмылок хлеба,
В незажившие раны в колоде.
Свет уходит осиновым шорохом,
Параллельные – выдумки чёрта.
Мы всегда между мирро и мороком
Выбираем красивое что-то
И мечтаем добраться до сути
Флоры, космоса, фауны, слова.
Только всё повторяется снова,
И не снять, не свести эту порчу.
Тронь корнями пронзённую почву,
Разомни её чёрную глину,
И не надо вылепливать кукол,
Ждать подмоги от духа и сына,
Понимая, что это – живое
Начинает со рвотного воя,
Лишь потом до сердечного стука

Все стихотворения – молитва,
Даже если просьбы нет прямой.
В древности так начиналась битва,
Выходили двое, свой-чужой.

Позади войска им в спину дышат,
Страшная горячая волна.
А они могучим телом слышат,
Дети спят и молится жена.

Но убить друг друга будет мало,
Всё равно сойдутся два крыла.
Ни одна так птица не летала,
А война бескрылая ползла.

Нет, не остановишь словом битву,
Шум сраженья не перекричать.
Здесь слова слагаются в молитву,
Там, на поле, рубятся плеча.

Эта доля, тяжкая неволя,
Чтобы жить, пробейся сквозь других.
Чьё теперь по праву это поле,
На котором больше нет живых?

Века легли стеной, горбатый руст
Её прикрыл тяжёлыми слоями.
И слышен постоянный страшный хруст,
Там камни притираются годами.

Их без раствора мёртво держит кровь,
Которая сквозь крошево струится.
Мне говорили в школе про любовь,
Про то, что кровь людская не водица.

Но вязко протекает сквозь века
Река без русла, тёмная река.
А, может быть, совсем наоборот.
Но время стену медленно кладёт.

Она закрыла горизонт тугой.
Но за стеной такой монументальной
Нет ничего, нет стороны другой.
Лишь время замирает вертикально

Какой стежок длиной в полвека,
Весь из неведомых шагов!
Так ключ на дне втекает в реку
И знать не знает берегов.

А жизнь случайностей не знает,
И цель проста, как эпилог.
И тень, оставленная стаей,
Не оставляет свой порог.

И ты почувствуешь прогалы
Как сбой сердца, в этом суть.
Хоть корни толстые, как шпалы,
Но не обозначают путь.

И этих совпадений странных
Вовек нам не узнать исток –
За рёбрами меридианов
Земли подкожный кровоток

Утро или конец беспросветного дня –
Так затянуто небо на переучёт.
Месяц тёплый, за листьями птицы звенят.
И неважно, какой совершается год,

Мы на каждый бежим, будто зверь на ловца.
Но не сбиться со счёта, не сбросить кольцо,
И кружится оно без конца до конца,
А природа к стеклу прижимает лицо

И на память завязывает узелки
На корнях, на ветвях, на воде ключевой
И на жилках, бегущих вдоль нашей руки,
Это код у неё – ты чужой или свой?

Так она как хозяйка ведёт свой учёт
И скучает без нас все свои холода.
Пахнет жизнью и зеленью, чья возьмёт,
Где там счастье-несчастье, беда-не беда?

Но всё кажется мне, не в кольце мы совсем,
Сквозь туман утекает река-не река
С берегами в тени и травую в росе.
Значит, утро пока ещё. Наверняка

«Не составляй горящих планов»

В Ионическом море прозрачна вода,
Штиль и прозрачный свет, и разлито тепло.
Под покровом воды накопились года,
Древний дагерротип, паспарту под стеклом.

Там подводное царство прошедшей земли,
Волны смыли дворцы и сады замели.
Позабыты богами, забыли Олимп,
За колоннами в храме окурков прилип.

Стая рыб шевелит плавниками слегка
В тусклом отсвете их золотой чешуи.
Заплыла за года и смешала века,
Крутобокие мечет икринки свои,

В их кривых зеркалах, как в игре детвора,
Рыбаки отразятся, пираты, цари.
Тихо лопнут от смеха сегодня с утра
В газировке прибоя его пузыри.

Позабыв о земной бесконечности войн,
Об оливах, плодах и любви земной,
И поэт и жрецы, проститутка и воин,
Во всё горло поют в допотопной пивной.

Их плавучие души пасут в глубине
Стаи рыбок, а видится – стадо овец.
В этой вечно свободной подводной стране
Дозревает олива, и лету конец

Когда я буду молодым,
Поеду я в Берлин.
И станет шум его и дым
Со мной неразделим.

Печали будут далеко,
Но долго можно жить.
И много планов, но легко
Могу о них забыть.

И будет музыка слышна
И говор городской.
Лишь на каналах тишина
Поманит нас рукой.

Плывёт весёлый, словно сон,
Стекланный теплоход.
И проплывает под мостом
И убавляет ход.

А по мосту стучит вагон,
Потом-сейчас, сейчас-потом.
Плывёт сейчас, потом назад.
Берлин-Восход, Берлин-Закат,
Берлин-Наискосок,
Каналов поясок.

Там вдоль по улице мои
Друзья на всех парах –
Велосипедные рои
Гарцуют на утлах.

И мы душою воспарим,
Вечерний ветер чист.
И стану я для всех своим,
Как уличный артист.

Там джаз в малюсеньком кафе,
На стульчиках кривых
Дудят мальчишки подшофе
На звонких духовых.

Среди весёлой чепухи
И уток под крестом
И чепуха мои стихи
И все они о том,

Что вот приеду я в Берлин
И буду молодым,
И чтоб вокруг меня бурлил
Цвет, запах, шум и дым

Мой старый телефон
Без симки.
Панель надорвалась. Прости.
В нём запылившиеся снимки,
И не в сети.

Там номера имён ненужных,
И смс нестёртых след,
И эхо тех звонков натужных,
Ответов даже эха нет.

Мой старый телефон линиялый,
И не заряжен, позабыт.
Спит молча на спине усталый,
Во сне звонит, звонит, звонит.

А сколько в нём напоминаний,
Куда бежать, кого понять.
Быть может, всё ещё настанет?
Лишь даты надо поменять.

Обломки слов, осколки слёз
Куда-то всё эфир унёс.
Да, телефоны, как гробы.
А заклинания: «Люби!
Люби! Звони! Вернись! Пора!»
Уж не помогут. У судьбы
Другие номера

Уходят тени, на земле светло,
Встал под берёзой осторожный гриб,
И облако ложится на крыло,
Стараясь сохранить его изгиб.
И в этих декорациях... Не так!
В их смене мы свою играем роль.
Ты думал, репетиция? Чудак!
Ты думал, ты король?
Да кто тебя оценит, брат актёр?
Они же – драматург и режиссёр,
И зритель, критик – не начнут оваций.
Важнее установщик декораций.
Ещё важнее – осветитель светом,
Чтоб на свету, на свете быть.
На этом

Старые фотографии –
листья календаря,
фотоальбом – гербарий.
Первое января,
тоненькая заря,
черево на просвет,
пей ненасытный барий.
На рентгеновском снимке
каждый всегда один,
ни цветов, ни в обнимку,
не разглядеть улыбки.
Вот я тебя догнал,
значит, давай води,
хочешь, сыграем в прятки,
хочешь, сыграют скрипки.
В куче сухой листвы
смотришь в засохшее небо,
сухи черенки и черствы.
Видно издалека,
там, где пришиты к земле
небо и облака,
сухие расходятся швы,
и не размочишь хлеба

Расстаётся с телом душа
И не ходит к нему на могилу.
И рассказывает, чуть дыша,
Как тут жизнь происходила.

И какой был хороший мужик.
И не пил, и не бил, не ходок.
И любил, и с друзьями дружил,
Выпьет пива и съест хот-дог.

Знал работу и был умел.
По субботам – с женою в кино.
Не был он себе на уме,
Только помер, как все, всё равно.

Он жену называл: «Душа
Ты моя!», и любил с ней петь.
«Выпьем, бабоньки! – не спеша,
На троих разливала душа –
Ну, помянем, не чокаясь, ша!».
И заплакали жизнь и смерть

Кузнечик подходит к травинкам, минуя пылинки.
Над ними цветок голубой, он невидим, вид снизу,
на фоне просвета до неба как раз над собой
меж веток и листьев, колышемых бризом.
Густые стволы закрывают прозрачные дали и вид.
Но сверху канюк пролетает, не глядя на рошу,
он видит так остро, как мы различаем наощупь,
и валится вниз, НЛО, суперптица, болид.
И чибис, в чьём клюве кузнечик шевелится слабо,
в последний момент понимает значение масштаба

Гринвич

Гринвич, как Иваныч,
Курит в кулак,
Чтобы на секунды
Не упал табак.
Так оно точнее,
Говорит чудной.
Мастерить минуты –
Это труд ручной.
Если он с женою
Ляжет на диван,
Зарастёт травкою
Весь меридиан.
Нулевой, он главный,
От него отсчёт.
Чуть пойдёшь направо –
Солнышко встаёт,
А пойдёшь налево –
Тьма и океан.
Гринвич разгоняет
Лишний туман.
Полоса исправна,
Он строг.
Ни Восток на Запад,
Ни Запад на Восток

Не составляй горящих планов
И расписаний не вводи.
Проснулся утром слишком рано,
Вставай, иди!

Проснулся позже, чем хотелось,
Счастливо в праздность окунись.
А время никуда не делось,
Оно перетекает в жизнь.

Ответственность перед часами
Не учреждай.
Их много, мы не сладим сами.
И не считай!

А жизнь идёт, течёт, буровит,
И ты плыви!
Увидишь, время рыбу ловит,
И ты лови.

Мы сами – время, мы – минуты,
Секунды – наша чешуя.
И мы ещё блеснём кому-то
Со дна ручья

Приехало прошлое с тёмным налётом от гари
И запахом сена подстилки в троянском коне.
И с воем сирены, как будто наряд на пожаре
Секретно пехоту везёт погибать на войне.

И громко звучит, как звонок на большой перемене,
Наивный балет с лебедями про чёрную месть.
Ах, музыка эта – к предательству и перемене.
Что было, что будет и как разобраться, что есть?

А время раскатано шлангами блеклого цвета,
Они протекают, как мальчик по малой нужде,
И серые лебеди в форме уводят Одетту,
Она не одета, поскольку врасплох и в беде.

В пруду западня, и за длинным оврагом засада.
А в жёлтых кустах то капкан, то силок и ружьё.
Крик: «Врёшь! не уйдёшь!». И зачем это прошлому надо,
Вот так обложить это прошлое счастье моё?

«Пока стихи не признаны судьбою»

У неё счастливая душа.
Ей никто не должен ни шиша,
И она, от жизни взяв сполна,
Никому ни жеста не должна.

Неприметно ходит среди людей,
Как седой сутулый воробей.
Столбик длинных гениальных строк
Будит в ней признательный восторг.

И строка сквозь жизнь, как по камням,
Меж плитой и стиркой, и уборкой.
Месяцами не звонит ей сам
Аполлон, закрыв окошко шторкой.

А потом, как эхо тишины,
Долетит и в прошлое и после:
«Больше смерти не хочу войны,
Больше счастья, чтобы ты был возле,

Я хочу. И не терять родных.
Господи, от просьб, конечно, жарко!».
И махнул рукою и затих
Аполлон: «Ну что возьмёшь, кухарка!»

Молит о прощеньи за грехи,
Музы призовут – не отзовётся.
Вырывает за душу стихи,
Как ведро верёвкой из колодца

Хоть с небес, а хоть динамики настроив,
Голоса поэтов слушай настоящих.
По краям сидят и говорят, их трое.
Мне письмо кладут в почтовый ящик.

Как за светом, не успеть за их стихами.
Не в слова они играют, Бог с тобою.
Но слова потом ложатся плавно сами,
Словно камушки, несомые прибоем.

Хорошо сумеь увидеть сход прилива,
Отражаться в рассыпной волне протяжной
И сшивать листы прозрачной и счастливой
Книги, как храбрец большой иглой портняжной

Пока стихи не признаны судьбою,
Останутся игрою для своих.
Сбоит на стрелках, сердце, что с тобою?
И диафильм в окошках голубых

Киношной лентой без монтажных склеек,
В формате от столба до западни.
А новости озвучивает телик,
И звякает ключами проводник.

Он Пётр и друг, и собутыльник старый.
Охотится с осиновым колом,
Где за окном развешены кошмары,
И каждый столб становится стволом.

И всюду люди в городах и весях,
Сидят в домах, валяются в траве.
И жизнь и смерть у них в таком замесе,
Как будто смерти две и жизни две.

Уже не заповедник, а застенок.
В окне документальное кино.
Все заповеди как портрет для денег,
Забили на все десять заодно.

Кто жизнь подвесил, строит вертикали –
Колосья, ливень, горы, человек.
Пока земли касаются сандалии,
Не верь, не верь, что ты умрёшь навек

Все стихи – о любви, о земле, о стихах и о прошлом,
о родных городах и о смерти (а что там потом?).

Понемножку у всех сохранилось о самом хорошем,
понемногу у всех сохранилось о самом плохом.

И плывут по дисплею всё те же и буквы, и точки.
Мы, как хор диких птиц, на ветвистых сидим деревьях.
И летим по делам, по словам, по лесным уголочкам
И поём на своём о протянутых к небу руках.

И над лесом звучат предпоследние трели и строчки,
Кто-то крылья расправил, взлетая, раскинет крестом,
Или просто спадает, вращаясь прощальным листом,
Не всегда успевая расставить последние точки

Последние стихи поэта,
Листы без оборота.
Какою стороною света
Им лечь,
Кому читать охота?

В нём не расчёты и намёк
На справедливость,
И не любовь, завет, урок
И Божья милость,

Не сожаление и плач,
И не смиренье.
Его начнёт читать палач,
Стихотворенье.

А толкователь и стукач
Расставит знаки
В неясный звук
И росчерк мачт,
Чужой и всякий.

Ведь только на тропе земной
Он узнаваем.
Себя он слышит стороной
И там, за краем

Домик сложен из стихов
Освящается стихами
Утром будит петухов
Засыпает с воробьями

Спит и ждёт, что сегодня приснится ему
Из вчерашнего только «кохаю-кохаю»*.
Ветер входит, одетый в несвежую тьму,
В мавзолее из вазы цветы засыхают.

Сколько стругано строк и уложено слов,
Значит, не убирают ладони со лба.
И на улице снег из рассыпанных снов,
И для силоса башенка в форме гриба.

Ходит старая муза в лохматом платке
И меняет жилплощадь, жильцов, языки.
То на стенке углём, то пером на листке,
То застелит туманом, не видно руки.

Там поэт, скоморох, трубадур, менестрель
Распевают с котом днём и ночью при дубе.
Их сперва за слова всех казнят на костре,
А потом отпускают грехи в книжном клубе

* кохаю (укр.) – люблю.

Разгадай меня без строчки
И без рифмы и сравнений,
И без правил чёрной точки
В час начала песнопений.
Многоточие свирели,
Препинание на вдохе,
Дактиль утренней капли
Как звонок конца эпохи.
Завитые запятые –
Долгозвучный рог бараний,
И ступени золотые,
Начиная с правой крайней.
Постепенно по ступеням
Подбираешься ко слову.
Слово тоже не основа,
То ли пена, то ли тени.
Буду землю греть ладонью,
Лёд ломая старой финкой.
И дождусь, и робко тронет
Пальцы первая былинка

Поверяю свои стихи,
Хорошо ли идут слова?
Как там слышится, где тихи
И ветра, и гроза, и трава?
Что там видится сквозь слои
Нам неведомых лет и дней?
Вы по-прежнему все мои,
Стали ближе ещё и родней.
Вам там слышно, о чём молчу?
Вы ведь знаете наперёд,
Что спросить и понять хочу.
Пусть ответ меня подождёт

Скорый поезд «Ласточка» Иваново–Москва

Прикрыв рукою отражение,
увидел черноту окна,
но ощущение движения
не поднялось во мне со дна.
Стоял на месте свет далёкий,
едва заметный, чуть дрожа,
кусоч созвездья одинокий
на высоте хвоста ежа,
замочной скважины подсветка,
забывшей признаки ключа,
забывшего, какая ветка
моё окно должна умчать
в совсем неведомые дали.
Ничто не двигалось, стучали
колёса, так, ни в склад, ни в такт.
Часы ушли, а мы стояли
в каком-то тёмном одеяле
в таинственном большом рояле,
где струны рельсами дрожали,
но дрожь не отменяла мрак.
И только внутренность вагона
была участком полигона,
где люди спали кое-как.
Стребя детей и жён, айпеды,
и в дрёме выдыхая беды
и радости свои, едва
их было слышно. Поезд скорый
одолевал сквозь мрак просторы
куска Иваново-Москва.
Устало думая стихами,

я всё глядел в оконной раме
на свет вагонного огня.
В себе услышал пару строчек
и записал, корявя почерк.
И тут соседка: «Переводчик?»
не в ямб спросила у меня

Мы все поём на площадях различного размера.
Здесь конники на лошадях и милиционеры,
стоит каталка с эскимо и сладкими рожками,
проходят зрители в кино с детьми и пирожками,
по проволоке наверху скользит канатоходец,
его качает на ветру, а он глядит в колодец,
оттуда в небеса летят и окрики, и пеньё,
людей доносят до него колёса обозренья,
со скрипом солнечных часов крутой вращают обод
и катят, катят в никуда, забыв и цель и повод.
И всё вращается вокруг, как будто ручкой вертит
шарманщик сказочный вертеп, или шашлычник вертел.
На праздничный лихой испуг рванутся миллионы,
где в замкнутый свободный круг зовут аттракционы.
Припав к бордюру колесом, блестят стеклом машины,
и женщины глядят в стекло, глядят на них мужчины.
Расходятся по сторонам и взрослые и дети,
игра у каждого своя, как всё на белом свете.
В открытой клетке спит медведь и ждёт велосипеда.
Не зажигают фонари до позднего обеда.
Приходят сумерки, конец растерянному счастью,
качелям, тирам и шарам, флажкам различной масти,
подаркам, и восторг в груди теперь совсем убудет.
Казалось, праздник впереди, конца ему не будет,
но карусельный горизонт и радости дневные
упрячут под разбитый зонт фигуры надувные.
И круглолицый фейерверк цветёт на вечном своде,
находят женщины мужчин и за руку уводят.
А мы поём на площадях, что праздник был и вышел,
и наши тексты фейерверк на тёмном небе вышил

«Моя душа – его связной»

В плащах из собственного света
Стоят в тумане фонари.
Как от рассвета до рассвета,
Иду вдоль них с душой внутри,
Она в меня тепло одета
И всё застежку тербит.
А ночь, как шёпот без ответа,
Недвижно влажная стоит.
И, кроме конусов прозрачных,
Нет ничего уже давно.
И слышно, что никто не плачет.
И видно, что совсем темно

Так просто, как вода из крана,
И без усилия дышать,
И так обыденно и странно
Сама собой живёт душа.
И ни о чём она не просит
И, не советуясь со мной,
Всё что-то Господу доносит.
Моя душа – его связной

Нет потайных у души уголков,
Схронов там нет заповедных.
Некуда прятать серых волков,
Стаи привычек вредных.
Нечего шарить рукой, как в мешке,
Там только ахи и охи.
Если ты прожил жизнь налегке,
Что тебе до эпохи?
Правду простую писать о себе,
Не выбирая роли,
То же, что памятник ставить судьбе
Где-то на минном поле.
Не изменить, не переписать
И не прикрыть словами.
Душу, конечно, надо спасать,
Ей-то ведь не за что в пламя.
Я разменял на гроши года.
Что уж скрести остатки?
Пальцы скрести, дотяни до суда
И покажи тетрадки

Над городом летали души
И нас они не замечали.
Они не нам принадлежали,
И мы не им принадлежали.
Они держались за мизинчики
И веселились так счастливо,
Как будто утренние блинчики
Им дали в блюдечке красивом.
Как будто и не моросило,
Воротников не поднимали,
Нас ни о чём не попросили,
Мы ничего не пожелали.
Над ними зажигалось облако,
Как канделябр в концертном зале.
Они бы довели до обморока,
Случись, что мы их увидали.
А мы дышали с ними вместе
И тем же воздухом, всё те же.
Но не летали, много чести,
Всю жизнь всё там же и всё те же.
Ах, души, леденцы прозрачные,
Сквозь них мигали светофоры,
А мы густые и невзрачные,
Трамваи, сумки, снег, заборы.
Был зимний вечер, между прочим,
И фонари включили к ночи,
И тени улетели стаями.
Нам не спалось в домашнем сумраке.
На город опускались сумерки.
Но свет прозрачный не истаивал

Сосед обещал напомнить о важном деле,
а ночью умер, напомнив, что мы умираем.
Мы в большинстве, наверное бы, не хотели,
но таем со дня рождения, таем, таем.
Лодка, в которой душа скользит по просторам
земным, временным, по краю судьбы и былого,
не местным небесным местам, по которым
плывём мы за Богом, любовью, мечтою, словом.
И по кувшинкам, звёздам, рельсам – путей не счесть,
где жарко, холодно, счастливо, страшно, жестоко.
Но компаса нет и карты, есть вера и честь,
и выплывет лодка по ведомым ей протокам
туда, где надежда, память, любовь и свобода.
А где это? Нет там понятия – где, только капелька веры.
И душу предъявишь у входа со шрамом штрих-кода
без труб и ключей, и куц, и без запаха серы

Будь осторожен, уйди от греха.
Звонкие буквы хрустят под ногами,
Что разлетелось, слагали слогами –
Больше не услышать.

Ты узнаёшь, как в простуженном детстве,
Горлом и болью в груди,
Некуда, Боже, от холода деться,
От холодов впереди.

Искрами льдинок скребётся по горлу,
Шепчет неслышно душа,
Если вокруг всё замёрзло и голо,
Теплится, еле дыша.

Будь осторожен, порежешь краями
Пальцы и лучше не трожь
То, что вчера ещё было словами
Горе, любовь или ложь.

И не узнаешь и не опишешь,
Что разлетелось навек.
Только запомни всё, что увидишь,
Не открывая век

Спускаемся с небес и в землюходим,
И где-то урожаем прорастаем.
И этот путь, наверно, плодороден,
Ведь он проходит через много родин,
К ним души зимовать летают стаей.
И друг за дружку зацепившись, души
Глядят на эти шумные потоки.
И дождь упавший жажду почвы тушит.
А дождь летящий набивает строки.
И в рифму улыбается прохожий,
На капельку тепла души похожий.
И вырастают звуки, их колосья
Настраивают лад многоголосья.
И птичьи неожиданные лица
В распаханное утром смотрят небо.
Там песенку о платице из ситца
Поёт девчонка, заедая хлебом

«Я лишь прах пред тобою»

Восход. С листвы смахнуть стихи,
Лишь протяни – полна рука.
С вечерней жизни снять грехи –
Пройти весь путь издалека.

Смирись, что памятную боль
Распяли все столбы окрест.
Зачем ты принял этот крест?
Теперь несёшь его с собой.

Тебе смириться и простить –
Судьбу свою переломать,
И будешь ты её кормить,
Как сына одиночка мать.

Возденешь руки к небесам,
Распялишь рот и замолчишь.
А Бог узнает по глазам,
Простит. И ты его простишь

Вновь пройти аки по суху,
На краю постоять?
Наклонившись над посохом,
Те слова повторять,
От которых изменится
И очнётся весь свет?

Колыбельною месяца
Завершался рассвет.
Дождик сыпался корпией,
Громкий говор вдали.
Как из принтера копии,
Тени наземь легли

В разбитом трамвае
задев куртизанку в халате
и не обернувшись
на тихое
слышишь касатик
в немые окна
не глядя и звуков не слыша
среди криков и скрипа
и стонов и воней и гула
спит римский солдатик
сменивший три дня караула
почётного там
наверху у распятий
с просохшим копьём
сладким сном
про недавнюю Ривку
домой на побывку
где к небу пологий подъём
и долго живёшь
на закате

И наступает рождество
По выбранным семьею датам.
На площадях светлым-светло,
Картон и вечный снег из ваты,
Горячее вино, катки
И куколки из марципана.
И звёзд развешены мотки,
И главная горит, как рана.

Осёл, актёры, ясель шконка,
Волхвы с мешками за углом.
Звонит мой друг: «Мы за столом
И ждём рождения ребёнка».
Мой друг поляк. Открыты двери,
И каждый воздаёт по вере
Началу с чистого листа.

А площадь поутру пуста.
Орбиты и судеб изгибы
Надолго оставляют тень,
Минуты прибавляет день,
На нерест уплывают рыбы.
И, завершая торжество,
Волхвы в потёртых желтых робах
Уносят с улиц рождество

Новый год

Всё мне кажется, надо что-то успеть до смены,
Год не кончится, или нам с новым будет сурово.
Это самая старая сеть, где хорошие цены,
Продают самый старый товар, называют – новый.

Если год не начнётся, изменится прежний отсчёт.
Враз осыплются чёрточки – на косяке отметки,
Как ты рос, как теперь не растёшь, как живёшь, это чёт.
Не успел, значит, что-то и мимо проходит и метко.

Здесь булавкой бакен приколот для нас в темноте,
Где заложен был миг в основание нового года.
Мы начнём ритуал, мы его заведём в суете —
Смену года, которой, по правде, не знает природа.

Тут зачётное время для всех переломов годов
И отмашка начала приёма заказов небесных.
Не дано было знать мне, что всё это – дело богов.
Мне тогда неизвестных.

С лёгким паром дыхания пар паровозных гудков
Прочь снесёт, скрип колёс, ветер выдует детские слёзы.
Нас катают, качает нас жизнь от замков до звонков
И от Деда Мороза до нового Деда Мороза.

Так натянутый лук распинаяет свою тетиву,
Улыбаясь изгибом усатого в дым гренадёра,
А стрела, отрываясь, визжит на лету «Жжи-жживу!»
В Новый год, в рождество, в молоко, или сдуру и дёру.

Так в прибое седом, этих длинных висках океана,
Волны ищут пробор, чтобы сразу на нём развалиться.
Люди к Богу приходят по-разному, поздно и рано,
К одному ли, к другому, но, чтобы запомнились лица

У внутренних морей есть свой язык,
на нём лопочут волны, рыбы, звери
и человек, который вечно верит,
что понимает то, к чему привык.

Диктует, будто прав по старшинству,
и повторяет звуки и движенья,
но помощи он ищет и спасенья,
с молитвой обращаясь к Божеству.

У внутренних морей есть свой язык,
он эхо павших с берега созвучий,
обкатанных волной, как небо тучей,
положенный на ветер детский крик.

Сначала это плеск, тревожный лепет
и музыка прибрежных фонарей,
и вервия с небес, где солнце слепит,
в руках качнувших звуки звонарей.

Их долгий почерк бьётся в горизонт,
и, доверяя древнему чутью,
за церковку, ушедшую в ремонт,
край моря прицепился к бытию

Боже мой
и Властитель
Ты друг мне
ты облако где моя память
я лишь прах пред Тобою
слежавшийся в малый комок
и какую бы жизнь я ни прожил
с любою
Ты накажешь меня
но оставишь открытым замок
не оставь меня Бог
я частица Твоя и навеки
проходя через жизнь
покидая её и любя
я лишь прах пред Тобой
я ресница на веке
но не будь меня здесь
может не было б даже Тебя

«По ту сторону жизни»

Сколько иванов не знает родства,
Столько потомков не знает иванов.
И не сидели на чемоданах,
Да, только нить восстановишь едва.

Как перебили хребет в прошлом веке,
Кости рассыпались, кто где упал.
Нет у опоры у человека,
Если он следа семьи не видал.

Если не знает о прадеде строчки,
Где был рождён, похоронен когда.
Эти колечки от длинной цепочки
Крепче любых обрубальных всегда.

Войны, чекисты, фашисты сметали
Нас ураганом, пожаром, чумой.
Корни до крови людской разорвали,
Как же найдётся дорога домой?

Все мы на теле страны вроде сыпи,
Цифры из переписи на листах.
Нас, как песок из мешка, пересыпать
Можно без корня в любые места.

Старые сказки сулят нам с тобою
Жизнь и надежду, и счастья сполна.
Может, облить нас той мёртвой водою,
Брызнуть любовью – водою живою,
Чтобы очнуться от мёртвого сна

Моих в бараки не бросал ГУЛАГ
В ту пору, как в огне не стало брода,
И каждый мог быть сослан как кулак,
Убит в тюрьме как ярый враг народа.

Но жизнь любили, продолжали род,
Соединялись в семьи и родными
Мне становились. Так вода течёт,
Неся вдоль русла родовое имя.

Моих в бараки не бросал ГУЛАГ.
Дед по отцу был схвачен в двадцать пятом,
В подвале продержали просто так,
Забрали дань и отпустили к брату.

Был мамин папа «враг, шпион, смерть гаду» –
Писал сосед по правилам доноса.
Давно хотел перенести ограду,
Но со шпионом не решишь вопроса.
Так из народа вытекала, имхо,
Густая кровь, а заменяла лимфа.

Моих в бараки не бросал ГУЛАГ.
Сосед земли добавил, справил лаги.
А деда расстреляли просто так
И никогда не отправляли в лагерь.

Мне не представить этот смертный ужас.
Стена. За ней всё та же жизнь и свет.
Тут с каждым шагом мрак, всё ближе, уже.
И вдоха нет, и стенам края нет.

На справке – умер. Захоронен – прочерк.
У тех времён был протокольный почерк.

В тот март сугробы убирать не стали,
Кричу подружке, показав кулак:
«Гулять выходишь, Лидка? Умер Сталин!».
А мама плачет, будто нас в ГУЛАГ.

Она ЧС, гэбэшное клеймо
Ей и тюрьмой грозило и сумой.
Я тоже член семьи, скажи, ГУЛАГ,
В какой вы деда бросили овраг?

По ту сторону жизни,
Перемолотой тут,
Тишины и покоя
Безопасный уют.

И гуляют по саду,
И садятся на край,
Нет ни рая, ни ада,
Не кричит вертухай.

Не проходят доносы
С той, живой стороны,
Воронки и допросы,
Пытки, память и сны.

В снах снежинки всё выше,
Будто падают с вышек
И не тают на лицах.
Здесь такое не снится.

По ту сторону смерти
Круг Господь им очертит –
Бытность в божьей тени.
Но кончаются сутки,
И на стенах зарубки
Делят вечность на дни

Судьбе по рельсам путь от тупика до Бога.
Но ржавь не отодрать, и стрелки запекло,
Под общий наш вагон не стелется дорога,
Что было, не видать сквозь грязное стекло.

И график и тариф обведены нулями,
Глухая магистраль закрыта на засов,
Лёг лагерный отряд шпал сбитых костылями,
Где стрелки на путях отстали от часов.

Ободранный состав, как вечный призрак, точен –
В двенадцать даст гудок, пугая всех окрест.
Качаясь и скрипя, несёт расстрельной ночью
Прочь будущее бывшее из этих мест.

На станции конца у старого вокзала
Вперёд или назад гляжу до той черты,
Где рельсы, наконец, сливаются в начало,
Поля и города, туннели и мосты.

Там паровоз летит, не зная остановки,
И только стук колёс вращается вдали,
Где пуля из ствола игрушечной винтовки
Навылет разнесла полглобуса Земли.

Там прошлое везут без права передачи.
Гудок и чёрный дым с осколками угля,
И мы поём с отцом, и проводница плачет.
«Едем мы друзья в дальние края».

Там общие места и ларь под нижней полкой,
И рыскает волчок-утацит за бочок,
Там спитса вечным сном и зайчику и волку,
Запрет не разглашать, он и во сне молчок.

Омытый помидор, лучок, яйцо вкрутую
И постук по столу, оранжевый желток,
Чекушка на двоих, и проводник пустую
Заменит за трояк и сделает глоток.

Ты прошлое своё расскажешь приключенье,
И будущим своим поделится сосед,
И каждому билет – его предназначенье,
Всё в прошлое уйдёт, где будущего нет.

Побудка в пять. Плацкарт. Горячий подстаканник.
Пора сдавать бельё. Бьёт ржавый стык. В окне
Пустой буфет, титан, течёт разбитый краник.
И проводник билет протягивает мне

Жизнь страшнее – стекаемся в стайки,
Так, прижавшись друг к другу, теплее.
А начальство сбивается в шайки,
С каждым шагом становится злее.

К нам из прошлого тянется след,
Как за раненым зверем, кровавый,
И доносы – привычный предмет.
А предательство поприще славы.

Опадёт золотая листва
Будет гнилью укрыта округа,
Неудобные Богу слова
Станут люди писать друг про друга.

Для доносов заначка в семье:
Ручка, нож перочинный и перья.
И всегда есть места на скамье
У судов на просторах империй.

Расчехляет чернильный прибор
Охранитель привычных устоев
И слова загоняет в затвор,
На коленях навтыжку стоя

«Вчера опять убита Дездемона»

Когда восход, взяв горстью «вдох Жако»*,
Измазал небо золотистым цветом,
На голову ему из облаков
Туман свалился, как горшок цветов,
И затопил своим туманным светом.
Что за привычка всё вставлять в стихи,
Житейский мусор, обращенье к Богу!
Как будто едешь, смотришь на дорогу
И объезжаешь старые грехи.

Но всё равно течёт по волосам
Недавний дождь из маминого детства,
А ты с лихим упорством ищешь средства,
Как подобрать отмычки к чудесам.
Дорога мимо мест, которых нет,
А всё туман, как занавес в антракте,
Меняют декорации и свет,
Прогнозов нет развязки в третьем акте.

Заваленный продуктами прилавок,
Знакомый признак всех дешёвых лавок.
Сырой асфальт. Повсюду красный свет.
И надписи, арабский и английский,
Как будто полуостров Аравийский
На нас свалился за туманом вслед

* Последний вздох Жако – название краски желто-рыжего цвета.

Шестком делиться и насестами,
Цветком, заброшенным невестами,
И всё сгрести, чтоб с глаз долой.
В шершавой комнате приятеля
Вести вдоль стен до выключателя
Взгляд граммофонною иглой.

А платьев ветреное плаванье
В неузнаваемые гавани,
Чтоб там глядеть на пароход,
Как он уходит в центр марева
И карнавальным светом зарева
Себе сигналы подаёт.

Летают чайки с белым бантиком,
Земля конфетой, небо фантиком,
Все возвращаются домой.
Дымы толкутся между крышами
Мотками шерсти светло-мышими,
И небо нежно пахнет тьмой

Точное веронское время

Сбывая мудрость понемногу
За хлеб, вино и серебро,
На площадях и на дорогах
В законе Арлекин с Пьеро.

Глядят восторженные лица
На старый кукольный пейзаж,
Жизнь весела и долго длится –
Скрипит разбитый экипаж

И нас таскает по Вероне,
Беря горбатые мосты.
На площадях, как на перроне,
Следы китайской красоты

В параде лавок сувенирных.
На перекрестках воздух сух,
И на стада туристов мирных
Дант смотрит сверху, как пастух.

Что в имени чужой столицы
Ты ощущаешь на губах?
Ты выменяй за эти лица
На стенах, спрятанных в церквах,

Уверенность, что всё вернётся,
Простится, сбудется, очнётся,
И время здесь не шевельнётся,
А повторится на словах.

Мы, опоздавшие потомки,
Во времени, скользящем вбок ,
Находим пёстрые обломки
И поверяем на зубок.

Здесь время не прибито к дате
По естеству живой струи.
Сквозь трещины на циферблате
Нам лики видятся. Свои

Я в Мантую от герцогова гнева.
Звонят колокола – летят цветы,
завёрнутые в голубое небо,
где ощущение долгой пустоты
на месте звука. Хлебы, вина, рыбы
в площадных ресторанах меж церквей
всех страждущих здесь накормить могли бы,
когда б не становился хлеб черствей.

Текут века по шлюзам узких улиц,
рисуя русло нового лекала,
меж витражами и стеклом бокала
прошли века, но мы не обернулись.
Я жил в Вероне рядом с Понто Пьетро
недалеко от церкви Сан-Маджоре,
в ней лабиринт к добру ведёт по метру,
как лодку галсом на просторе в море.

Мосты, браслет домашнего ареста,
не позволяют отойти заречью,
обозначая той весёлой речью
знак времени и гения, и места.
Здесь всякий город, новый друг Гораций,
свой итальянский сохраняет норы –
вместилище для древних декораций
и место проживания актёров.

За грубой кладкой спрятаны подмостки,
ты проследи за жестами, дай цену
той паре, что, дойдя до перекрёстка,
как оперный дуэт, взошла на сцену.

Вчера опять убита Дездемона,
как соучастник ночь ушла босая,
убил Отелло в спальне после шмона,
мертвеет небо, звёзды угасают,

и собирает урожай обман.
И сорок тысяч братьев на кладбище
груз 200 довезут в повозке нищей.
И лишь тогда развеется туман,
и тротуаров мраморные плиты
скользят и тают, как весенний лёд,
все ставни городские так открыты,
как будто собираются в полёт.

Днём на обед театр закрывают,
кулисы убирают в тёмный сад.
Но время понемногу вымывает
из-под камней кинжал, платок и яд

Морская рыбалка

Час завтрака, пахнет едою наш дом
И тень занавесок на стенке.
Сейчас на рыбалку мы в море уйдем
Среди островов, их оттенки
Цветов, ритм движения вместе с водой,
Как за горизонт, увлекают.
Балетные пачки туман молодой
Гряде старых гор примеряет.
В прозрачной воде поплыла глубина
И высь, снимки неба в узоре.
Нас кличут, мы слышим свои имена
Средь окриков чаек в дозоре.
Здесь можно стихи научиться с листа
Читать, глядя в волны литые,
Их ветер листает о наши борта,
И лодки стоят – запятые.
Иного занятия нет, просто быть,
Душе здесь простор для уюта,
Как будто паришь! Не забудь захватить
Ай-фон как кольцо парашюта.

Итак, завершив облаченья обряд,
Мы в лодки вступаем, как в храмы.
И лодки взлетают и бьют, как в набат,
Всем днищем о водные ямы.
И волны расходятся в складки портьер,
Свивая жгуты на моторе.
Глядят снизу рыбины на монгольфьер,
Летающий в открытое море?
Видна им со дна нашей лодки луна?
Не помня усталости странствий,

Нацелены мы на поимку со дна
Царя в этом водном пространстве.
Здесь времени нет, здесь прилив и отлив,
И волны – песок в горловине,
И жизнь так течет, как течения легли
Доныне и снова отныне.
И видим, как сон, сквозь туманы дождя,
Цепляя течения блики,
Там палтус плывет – дух земного вождя,
В волнах похороненный викинг

Маркитантка

«Живём, ребята, дольше,
И вздохов будет больше
На предпоследнем слоге,
Как произносят в Польше.
А можно на последнем,
Как говорят в Париже!» –
На облучке соседнем
Смеялся клоун Рыжий.
А маркитантка флаги
Распродала в обозе
Солдатам розы Алой,
Солдатам Белой розы.
Закон больших событий:
И ярмарка, и пляски,
С горячим ромом фляги,
Петрушка в бледной маске.
Неподалёку лагерь,
Военные раскраски
И пушки для острастки,
И пушки для острастки.
А на флагштоках флаги,
И продаётся снова
В обозе то и это.
У маркитантки слово –
Разменная монета.
При ней уже детишки,
Все нажиты в обозе.
Но позабыт парнишка,
Который тут елозил.
Его вчера убили
В окопе за оврагом

И как зовут забыли
И не накрыли флагом.
И не накрыли флагом,
Зарыли у полянки.
И нету маркитантки,
И нету маркитантки

«Еврею главное веселье – погрустить»

Еврею главное веселье – погрустить
и в стену плача упереться лбом,
и, помня Бога, думать о былом,
еврей о будущем не помнит. Чья вина,
что на пути еврея ждёт стена.
И яма плача сорванной землёй,
Как содранною кожей,
накрыть не может детской плоти божьей.
Как спрятать их надёжней, наконец,
хотя бы в дыме? Вот они плывут,
и скрыты очертания телец,
и над землёй летают навсегда
там, где дожди и прочая вода,
как будто небо – это детский пруд.
Омытые от дыма, не видны,
прозрачные, взлететь не могут выше,
пока все не отмолены. Мы дышим,
мы дышим ими, стоя у стены

Исход

Заблудился мальчишка,
свобода нелёгкая ссуда,
шёл со всеми оттуда,
шаг в сторону, в сторону, ведь
там рождённая только что
бабочка вверх из-под спуда
всё пыталась, пыталась взлететь.
Непросохшие крылья слипались,
как пластырь, слипались.
Не оставь её, Пастырь!
Она всё качалась слепая,
мёрзла бабочка –
дымка уснувшее солнце скрывала –
разноцветный клочок
неизвестного нам одеяла.
Как упала, взлетела,
и будто спасаясь от пули,
полетела зигзагом
на лёгких воздушных ходулях.
За спиною защёлкнулось
море под небом пустым,
мальчик молвил: «Будь славен, о Боже,
будь славен, о Боже!»
и за бабочкой вышел к своим.
Ну, а пуля и дым, ну, а пуля и дым
уже позже догнали его, уже позже

Дорога к Богу. Баба Лиза

Мы здесь на время, просто на постое,
В амбарной книге вход-уход, расчёт.
Все наши добродетели – густое
Вишнёвое варенье. Истечёт
За жизнью следом. Остаётся пенка.
Её я помню, сбитую коленку,
На примусе варенье, медный таз,
Идёт суббота, обгорели плечи,
И баба Лиза в кухне теплит свечи
На кирпиче в печи от лишних глаз.
Такая осмотрительность в ту пору
Советскую чертой у всех была.
Она шептала, продолжая споро
Работу – огород, еда, метла.
О чём-то непонятном шелестела,
А мне тогда какое было дело?
Я жил своей весёлой жизнью детской,
Тем более в родной стране советской.
Ну, бегал двор за мной зимой во Львове:
«Жид пархатый на доске распятый.
Жид по веревочке бежит».
В искусстве многое с «жидом» на первом слове.

Я идиш знал похуже, чем на рынке
Приехавшие в город украинки
Из ближних сёл. Их Лиза упрекала,
Что просят много, наливают мало.
Они от бабы отставали в скорости.
Районный центр назывался Коростень.
Его потом накрыл собой Чернобыль
Прозрачной смертью долгой, черногробый.

Она пекла воздушный жёлтый лыках*,
Мы с молоком справлялись с лыках лихо.
Но верхом, не дававшим нам покоя,
Случалось кисло-сладкое жаркое,
Что полагалось белым пышным хлебом
Вылизывать с тарелки за обедом.
А на ночь окна закрывали ставни.
На всех нам не хватало места в спальне,
И баба мне стелила на пол скромно,
А лето было длинным и огромным.

На лето все колена коростенцев
Как птицы, возвращаются домой.
Немного здесь осталось после немцев.
Немного стариков живёт зимой.

Но был июль, и солнце припекало,
За мельницей вода с камней спадала.
А вечером я шёл гулять на Брод,
И бабушка встречала у ворот.

Она в субботу свечи зажигала.
Садилась у крыльца со всей роднёй,
И мама пела, Нюся подпевала,
А мы мешали слушать болтовнёй.

Оглянись, и ты увидишь,
Ветер песни пел на идиш,
Все, кто дорог, были живы,
Были молоды, красивы,
Жизнь была не быстротечна,
Весела и бесконечна.

* лыках – вид бисквита.

Но, как воды, сплыли годы,
Унесло родные лица.
Под хрустальным небосводом
Разделяют нас границы.
Но для памяти и веры
Нет таможни и забора.
Между будущим и прошлым
Нет зазора, нет зазора.
Мы из Коростеня родом,
Слышишь, эхо идиш тает?
Это нам о том, что будет,
Наши мамы напевают.

Нет больше никого, тут строго с этим,
Не немцы, так хвороба заберёт.
И бабы Лизы нет давно на свете.
И шёпота никто не разберёт.
Она ушла своей дорогой к Богу,
Легка и неслышна, как божья тень.
Подпольную печную синагогу
Теперь я вспоминаю в Судный день

Дорога к Богу. Прадед

Люба – мать моего папы
Давид – её отец, мой прадед

Люба.

Мой отец был кожевник.
Беден. Девять детей.
И не бездельник, но не было денег.
В общем, несчастный еврей.

Я.

У Давида жена умерла молодой,
Как совсем не жила в этом мире худом.
Он не мыкался долго, сошёлся с вдовой,
И под осень привёл детям мачеху в дом.

А вдова оказалась, как в сказке, строга.
Запирала еду, не давала свечей.
Жили трудно, не дай Бог, такое врагам.
Сколько слёз, сколько тёмных холодных ночей.

Но зато сколько дней, сколько книг, беготни.
Сколько шума да смеха, упал, так не плачь!
Вот еда – корка хлеба на целые дни.
Вот обрезки из кожи – и кукла, и мяч.

В чёрном фартуке прадед с утра у чанов.
Он выдελывал шкуры и скрёб их и мыл,
И дубил, сам дублён был, суров и здоров.
И вонючую эту работу любил.

Он в наследство своё ремесло получил,
Мастерству обучал его с детства отец.

Он, конечно, семью в синагогу водил,
По мосту, через реку, направо в конец.

Нет синицы в руке, и журавль далеко.
Как могли, так платили за кожи ему.
Так и жили. Детей поднимать нелегко.
Их отправили в жизнь. Кто к кому.

Люба.

И отправились в люди, покинули дом.
Любе девять. Её взял в ученье портной.
Вышла замуж, Петлюра, последний погром,
Украина советскою стала страной.
Мужа взяли чекисты. Есть власть, как не взять.
Взяли выкуп – с трудом собрала вся родня.
Отпустили. Вернулся, его не узнать.
Он боялся открытых дверей, как огня.

Я.

Что он видел в дверях? Как туда убивать
Уводили людей среди белого дня?
Стали жить-поживать и добра наживать.
Он пропал на войне. Он не видел меня.

Дом, река, и лежат, как быки, валуны.
Люба шила всю жизнь. Муж бухгалтер. Растут
Дети. Сын, мой отец, поступил в институт.
Вот и время пришло для начала войны.

Люба.

Первые дни войны,
Все ещё живы.
Я поняла, нет страшней тишины,
Чем в первый миг после взрыва.

Первые бомбы и первый дом,
Вывернутый и разбитый.
Но очень страшно стало потом,
После первых убитых.

Осень. Стрельба. Немцы вблизи.
Стали грузить пожитки.
Дождь. Телеги ползут в грязи.
Жизнь промокла до нитки.

Я.

С недавних пор прошу я у родни
Всё, что хранят из прошлого они,
Сплетение фамилий и судеб –
Как памяти семейной тёплый хлеб.

Мой прадед по отцу жил век назад.
Всё, что узнал о нём, смог рассказать.
Догадываюсь, как он жил-тужил,
Как шкуры мял, как господу молил.

Родство моё – серебряная цепь,
И между нами только три звена,
На каждое звено и жизнь одна,
На эту жизнь одна приходит смерть.

Я по цепи, не пропустив звена,
Иду к нему в другие времена.

А времена полны
Водой не дождевой.
А времена полны
Водою неживой.
Я на него похож,

Как медный грош на грош.
Но здесь стоят чаны
Со смертью и бедой.
Не оглянись назад,
Не превращайся в соль.
Нельзя закрыть глаза,
Перед глазами боль.
Не оглянись назад.
Ведь слышен стук копыт.
И чёрный фартук смят
И саваном лежит.

Прадед.

Он верил, что германец не убьёт,
В той мировой не трогали евреев.
И детям он сказал, что не уйдёт,
Добро их и хозяйство сбережёт.
Дай, Боже, возвращайтесь поскорее.
Он верил, что, конечно, доживёт
На той земле, где каждый камень любый.

Люба.

И камень лёг потом на сердце Любы.
Узнала, как пришёл во двор народ.

Соседи. Дверь взломали. Взяв огня,
В дом ворвались, пугая темноту.
Сорвали фартук. Подвели коня
И привязали бородой к хвосту.

Стояли бабы с малыми детьми.
А мужики, нетрезвые с утра,
Коня огрели по хребту плетью,
И конь понёс за смертью со двора.

День выходной, вернулся каждый в дом
К своей судьбе, семье и борозде.
Пускали дети лодочкой потом
Ермолку в мутной дождевой воде.

Бог.

После дождя просёлок разбит.
Глянешь вокруг – убого.
Било о камни под стук копыт
Его по дороге к Богу

Об авторе

Борис Фабрикант родился 09.04.1947 во Львове. Окончил Политехнический институт. С 2001 года живет в Москве, с 2014 в Англии.

Публикации: Эмигрантская Лира, Что есть Истина? Поэтоград, 45-параллель, Литературный европеец, Этажи, Литературный Иерусалим, Под небом единым, Крепчатик, альманахи Литературные знакомства, Кочевье, Роза ветров, Культурное безбрежье, Рукопись.

Выпустил книги «Стихотворения», «Сгоревший сад». Первое место в номинации интернет-конкурса «Эмигрантская Лира», второе место на Всемирном фестивале Эмигрантская Лира-2018, второе место на фестивале Пушкин в Британии 2018.

Всё хорошо.

Содержание

Предисловие	5
-------------------	---

КРЫЛЬЯ НАПРОКАТ

«Как будто я пишу не о себе...»	8
«Было бы окошко между временами»	10
«Горячее молоко, сода и мягкий мёд...»	10
«Чтоб остановить мгновенье, я записывал...»	11
«В тесных улочках памяти...»	12
Шестидесятые	13
«Я бежал молодым под ливнем...»	14
«Мелку поставить на время любое, как вешку над снегом...»	15
«Закрываю глаза, нет ни севера, ни востока...»	16
«Приснился сон – действительности эхо...»	17
«Было бы окошко между временами...»	18
«А жизнь ещё не миновала»	19
«Заходят тучи на восход...»	19
«Я друзей позову и степенно...»	20
«А в городе весна...»	21
Посреди (прозрачным утром разглядеть стараясь дно)....	22
«Ветер режет белый воздух – пышный свадебный пирог...»	23
Где-то за рекой крики, музыка, фейерверки...»	24
Мы все одинаково молоды...»	25
Пароход «Ворошилов»	26
Только тех, с кем улыбку начала дня...»	28
«Здесь случается прошлое, здесь я встречаюсь с собою»	29
«По дырявой воде до немойтой дороги...»	29
Вдали промчался катер пробкой винной...»	30
Мои друзья талантливее всех!..»	32
Как от детства до нет детства...»	34
Словно я в этом городе снова живу...»	35

А из прошлого вещь с каждым днём тяжелей...»	36
Сливаясь с тенью, виснут кружевами...»	37
В отдалении родина сузится просто до города...»	38
«Грусть – канва, по грусти вышивает радость»	39
«Первые ямки следов от крыльца...»	39
«Меняет море цвет, волну...»	40
«Находясь меж небом и землей...»	41
«Докатилась волна, как эхо...»	42
«Так привычна обычного утра картина простая...»	43
«по канве, по грусти вышивает радость...»	44
«Пора прощаться, но не хочется»	45
«Я остался один. Ну, не так, как в бою...»	45
«Он до меня не дорастёт...»	46
«Я не писал, я долго не писал...»	47
«Растворились в ночной темноте...»	48
«Прошла бригада косарей...»	49
«Уже долго живу...»	50
«Не досадуй, не досадуй...»	51
«Пора прощаться, но не хочется...»	52
«Настоящее – ключик от прошлого»	53
«Не оставь меня, Боже, без памяти...»	53
Дальше неба	54
«Из каких-то давнишних событий и снов...»	56
«Не смотри, братец, в мутное небо...»	58
«Все стихотворения – молитва...»	59
«Века легли стеной, горбатый руст...»	60
«Какой стежок длиной в полвека...»	61
«Утро или конец беспроектного дня ...»	62
«Не составляй горящих планов»	63
«В Ионическом море прозрачна вода...»	63
«Когда я буду молодым...»	64
«Мой старый телефон...»	66
«Уходят тени, на земле светло...»	67

«Старые фотографии...»	68
«Расстаётся с телом душа...»	69
«Кузнечик подходит к травинкам, минуя пылинки...»	70
Гринвич	71
«Не составляй горящих планов...»	72
«Приехало прошлое с тёмным налётом от гари...»	73
«Пока стихи не признаны судьбою»	74
«У неё счастливая душа...»	74
«Хоть с небес, а хоть динамики настроив...»	75
«Пока стихи не признаны судьбою...»	76
«Все стихи – о любви, о земле, о стихах и о прошлом...»	77
«Последние стихи поэта...»	78
«Домик сложен из стихов...»	79
«Разгадай меня без строчки...»	80
«Поверяю свои стихи...»	81
Скорый поезд «Ласточка» Иваново–Москва	82
«Мы все поём на площадях различного размера...»	84
«Моя душа – его связной»	85
«В плащах из собственного света...»	85
«Все просто, как вода из крана...»	86
«Нет потайных у души уголков...»	87
«Над городом летали души...»	88
«Сосед обещал напомнить о важном деле...»	89
«Будь осторожен, уйди от греха...»	90
«Спускаемся с небес и в землю сходим...»	91
«Я лишь прах пред тобою»	92
«Восход. С листвы смахнуть стихи...»	92
«Вновь пройти аки по суху...»	93
«В разбитом трамвае...»	94
«И наступает рождество...»	95
Новый год	96
«У внутренних морей есть свой язык...»	98
«Боже мой...»	99

«По ту сторону жизни»	100
«Сколько иванов не знает родства...»	100
«Моих в бараки не бросал ГУЛАГ...»	101
«По ту сторону жизни...»	103
«Судьбе по рельсам путь от тупика до Бога...»	104
«Сугробом, надгробьем лежащая и муравейником...»	106
«Жизнь страшнее – стекаемся в стайки...»	107
«Вчера опять убита Дездемона»	108
«Когда восход, взяв горстью “вздых Жако” ...»	108
«Шестком делиться и насестами...»	109
Точное веронское время	110
«Я в Мантую от герцогова гнева...»	112
Морская рыбалка	114
Маркитантка	116
«Еврею главное веселье – погрустить»	118
«Еврею главное веселье – погрустить...»	118
Исход	119
Дорога к Богу. Баба Лиза	120
Дорога к Богу. Прадед	123
Об авторе	128